

Ты стал небожителем, а я не останусь ради тебя в мире смертных

Обитель Цзинь Яо, которую по праву называли Куньлуньским дворцом, представляла собой величественное скопление чертогов, раскинувшееся на весь горный хребет. Окутанные вечным туманом золочёные стены сияли столь ослепительно, что в народе это место прозвали «Небесами над небесами», и смысл этого имени был понятен каждому без слов.

Драконы от природы питали слабость к роскоши, однако Цзинь Яо был исключением из правил: внешняя мишура его совершенно не заботила. Просто небожители, преисполненные страха и благоговения, возвели этот дворец для него сразу после окончания Древней войны, и бог не стал отказываться от подношения.

Теперь же столь огромные чертоги пришлось как нельзя кстати — в них было более чем достаточно места, чтобы надёжно скрыть его маленькое бесценное сокровище.

В одном из отдаленных уголков дворца располагался огромный внутренний зал, утопающий во влажном мареве. Именно здесь сходились духовные жилы Куньлуня, поэтому при строительстве землю под залом полностью вырыли, обустроив купальню с божественным источником.

Стоило кому-то за пределами резиденции упомянуть Куньлуньский дворец, как разговор неизменно сворачивал к этой купальне. Считалось, что вода в ней вобрала в себя всю энергию горного хребта, и одного глотка достаточно, чтобы бессмертный увеличил свою силу на целую тысячу лет.

Впрочем, боги могли лишь мечтать об этом. На деле же они скорее решились бы ограбить самого Небесного Императора, чем посмели бы посягнуть на владения Цзинь Яо.

Вода в источнике круглый год оставалась горячей, отчего весь зал был заполнен густым, белесым паром, скрывающим очертания предметов.

Сквозь эту молочную пелену, у самого края берега, виднелся силуэт юноши, чья кожа белизной могла поспорить с чистейшим нефритом. На Чао Цы была лишь легкая алая накидка из тончайшего шелка. Обессиленно прижавшись лбом к каменному бортику, он почти полностью погрузился в матовую воду. Длинные загнутые ресницы мелко дрожали, губы горели лихорадочным румянцем, а мокрые пряди волос, черные, как вороново крыло, прилипли к лицу и плечам. Промокшая насквозь ткань облепила его хрупкое тело, подчеркивая каждую линию и изгиб. Юноша выглядел измученным, но в этом смятении таилось невыразимое искушение.

Рядом с ним на берегу сидел высокий мужчина в безупречном снежно-белом одеянии. Сохраняя абсолютное спокойствие, Цзинь Яо не сводил глаз с юноши, время от времени

небрежным жестом убирая с его лба намокшую прядь.

Казалось, Чао Цы терпит невыносимую муку. Он судорожно хмурился, не в силах сдержать тихих, прерывистых стонов. В какой-то момент, когда боль стала окончательно нестерпимой, он с трудом приподнял руку и вцепился в запястье сидящего рядом бога.

— Мне так плохо... я больше не выдержу... прошу тебя... — голос его, слабый и вкрадчивый, дрожал от слез. — У-у... прошу!..

Однако мужчина остался непоколебим. Он лишь перехватил ладонь юноши, переплетая свои пальцы с его.

— Остался всего один день. Потерпи еще немного, — в его тоне не было ни капли сочувствия, и в ушах Чао Цы эти слова прозвучали истинным проявлением жестокости.

Когда Цзинь Яо притащил его в Царство богов, юноша был уверен, что его ждут бесконечные плотские утехи, но божество первым же делом привело его в это проклятое место и заставило проглотить нечто, похожее на идеально гладкую жемчужину.

Чао Цы попросил Систему просканировать предмет.

[Обнаружен предмет: Внутреннее ядро самки дракона]

Согласно устройству этого мира, самки драконов были величайшей редкостью и к настоящему времени практически вымерли. Они не обладали сокрушительной боевой мощью самцов, зато их периоды жара длились невообразимо долго. Драконы-самцы славились своей необузданной похотью, но вовсе не потому, что им нравились другие расы — просто из-за нехватки самок им приходилось довольствоваться малым.

Если в мире рождалась самка, драконы были готовы перегрызть друг другу глотки за право обладания ею. В отношениях с другими видами они были ветрены, но если их парой становилась самка собственного рода, они хранили ей верность до самой смерти. Впрочем, участь таких избранниц едва ли можно было назвать завидной.

Система бесстрастно продолжила объяснение:

«Почти всю жизнь они проводят в состоянии непрекращающегося жара, а самцы находят неопишное удовольствие в том, чтобы обладать своими спутницами снова и снова. Для одинокого дракона гнездо — это неприкосновенная личная территория, но стоит ему обрести пару, как само понятие дома исчезает. Отныне его парой, его единственным пристанищем становится сама самка»

Чао Цы почувствовал, как по коже пробежали мурашки.

«Что это за сюжеты из низкопробных романов?! Неужели нельзя было придумать что-то приличное?»

«После поглощения ядра и под воздействием энергии источника тело смертного подвергается трансформации, — добавила Система. — Это позволит тебе обрести некоторые черты мифического существа. Например, долголетие и... бесконечный период жара»

Чао Цы лишь мысленно выругался. Но следом в его голове всплыл закономерный вопрос:

«Откуда у Цзинь Яо вообще взялось это ядро?»

«Скорее всего, он добыл его во время Древней войны, — предположила Система. — Тогда мир был пропитан энергией демонов, и убить павшую во тьму самку для него было делом обыденным»

Юноша не стал развивать эту тему — у него просто не было на это сил. Как только ядро попало внутрь, всё его тело, от внутренних органов до кончиков пальцев, пронзила такая ломота, словно тысячи муравьев одновременно вгрызались в его плоть.

Это не была острая, режущая боль — скорее тягучее, изматывающее чувство, которое проникало в каждую клеточку, заставляя рассудок балансировать на грани обморока.

Чао Цы не был склонен к мазохизму, поэтому, вытерпев муки лишь несколько секунд, он тут же выбросил белый флаг и потребовал у Системы активировать блокировку болевых ощущений.

Сразу стало легче, хотя внешне ему всё еще приходилось изображать нечеловеческие страдания. Большинство путешественников опасались полностью отключать чувствительность, чтобы не выдать себя неестественным поведением, но Чао Цы это не пугало. Он просто попросил Систему сообщать ему текущий уровень «боли» в цифрах и действовал согласно этим показателям.

Трансформация должна была продлиться девять дней и девять ночей, и всё это время Цзинь Яо ни на шаг не отходил от него.

Первые несколько дней Чао Цы старательно разыгрывал жгучую ненависть: как бы плохо ему ни было, он не желал произносить ни слова. Лишь на четвертый день, решив, что время пришло, он начал молить божество о пощаде, словно окончательно потеряв рассудок от мук.

Но владыка Куньлуня, хоть и был рядом, не проявил и тени жалости. Сорванная свадьба в мире смертных лишила его остатков благоразумия.

На пятый день к фантомной боли добавился нестерпимый зуд. Это чувство было даже хуже боли. И хотя Чао Цы заранее попросил Систему заблокировать и его, он продолжал изображать

крайнюю степень отчаяния. Он забивался в объятия Цзинь Яо, мелко дрожа и всхлипывая, и бессвязно шептал мольбы.

Бог лишь ласково поглаживал его по спине, храня молчание. В его золотых глазах невозможно было прочесть ни единой мысли.

К исходу девятого дня облик Чао Цы начал меняться. Его кожа, и без того светлая, стала невероятно нежной и гладкой, лишившись малейших изъянов. Он немного вытянулся, став стройнее и изящнее.

Если прежде он был просто красив, то теперь его красоту можно было назвать совершенной. Пожалуй, во всём Царстве богов нельзя было отыскать существа с более пленительным и искушающим обликом.

<http://bllate.org/book/15361/1372910>